

С.Д. ТИТАРЕНКО¹

Санкт-Петербургский государственный университет

ТОПОС КАК МОДЕЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТВОРЧЕСТВА И.С. ТУРГЕНЕВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Статья посвящена анализу творчества И.С. Тургенева в литературной критике и философии Серебряного века. На основе герменевтического и культурно-типологического анализа книг и статей Д. Мережковского, Ин. Анненского, Вяч. Иванова, К. Бальмонта, Л. Шестова, М. Гершензона выделены топосы как модели интерпретации. Они возникли в процессе восприятия творчества Тургенева. Большую роль играют символические, экзистенциальные, метафизические, пространственные и др. топосы. Делается вывод, что в контексте культуры Серебряного века был намечен поворот к расширению границ интерпретации произведений Тургенева и его художественного мира. На рубеже XIX-XX веков появляется новое направление исследования, которое может быть определено как топологический дискурс.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, философия Серебряного века, литературная критика символистов, топос, архетип, модели интерпретации, вечные образы, метафизические и мифопоэтические образы-символы, экзистенциальные топосы, топосы пространства, топологический дискурс.

S.D. TITARENKO

St. Petersburg State University

TOPOS AS INTERPRETATION MODEL OF I. S. TURGENEV'S CREATIVE WORK IN LITERARY CRITICISM AND PHILOSOPHY OF THE SILVER AGE

The article is dedicated to the analysis of I.S. Turgenev's creative work in literary criticism and philosophy of the Silver Age. Topoi as a model of interpretation were selected on the basis of hermeneutic and cultural-typological analyses of books and articles of D. Merezhkovsky, In. Annensky, V. Ivanov, K. Balmont, L. Shestov, M. Gershenzon. These topoi emerged in the process of perception of Turgenev's creative works. Symbolic, existential, metaphysical topoi and topoi of space and nature have an important role. It is concluded that in the cultural context of the Silver Age understanding, a turn was planned to expand the boundaries of the interpretation of Turgenev's creative work and his artistic world. At the turn of the XIX-XX centuries, a new line of research appears, which can be defined as topological discourse.

¹ Светлана Дмитриевна Титаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

Key words: I.S. Turgenev, philosophy of the Silver Age, literary criticism of symbolists, topos, archetype, models of interpretation, eternal images, metaphysical and mythopoetic images-symbols, existential topoi, topoi of space, topological discourse.

Исследовательский интерес к теме «Тургенев и Серебряный век» возник в конце XX века, и она стала рассматриваться в связи с эстетическими и философскими взглядами Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, Ф. Сологуба, А. Белого, а также М.О. Гершензона, В.В. Розанова, Б.К. Зайцева, А.М. Ремизова и др. в культурно-историческом и сравнительно типологическом аспектах¹. Нам бы хотелось показать некоторые герменевтические подходы, сложившиеся в понимании творчества Тургенева на рубеже XIX – XX столетий, проанализировать *тургеневское* как категорию мышления, выявить топику художественного мира писателя, выделив наиболее важные константы в складывающихся интерпретациях. Наиболее репрезентативными, с этой точки зрения, представляются статьи и книги Д.С. Мережковского, Ин. Ф. Анненского, Вяч. Иванова, К.Д. Бальмонта и некоторых близких к ним мыслителей (М.О. Гершензона, В.В. Розанова, Л.И. Шестова).

Прежде всего необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX века тургеневская тема считалась маргинальной и периферийной. В.В. Розанов, многократно обращавшийся к наследию русских классиков XIX века, заметил в статье, посвященной 20-летию со дня смерти писателя: «Имя Тургенева без вражды, без полемики, без ясных причин тихо замерло в сознании живущего сейчас поколения» [Розанов, 1903]. Вместе с тем эта тема была глубоко индивидуальной, где-то потаенной для каждого писателя, поэтому можно отметить стремление к возрождению и переоценке открытий Тургенева в связи с исканиями Серебряного века. Мережковский писал: «Тургенев, говорят, устарел. Две исполинские кариатиды русской литературы – Л. Толстой и Достоевский, – действительно, заслонили от нас Тургенева. Навсегда ли? Надолго ли? Не суждено ли нам через них вернуться к нему» [Мережковский, 1995а, с.475].

Как известно, понятие «тургеневское» сформулировал в русле своего прочтения сочинений классика Ю.И. Айхенвальд. В эссе о Тургеневе в книге «Силуэты русских писателей» он писал: «Можно отвергнуть Тургенева, но остается именно *тургеневское* – та категория души, та пленительная камерная музыкальность, которой он сам вполне не достиг, но счастливая возможность которой явствует из его же творений» [Айхенвальд, 1998, с. 260]. В его размышлениях

¹ См., например: [Брюсов, 1977; Астман, 1983; Ашимбаева, 1984; Поддубная, 1991; Зельдхейн-Деак, 1992; Пильд, 1998; Пильд, 1999; Пустыгина, 1998; Едошина, 2005; Мовнина, 2011; Мостовская, 2005; Ахунзянова, 2013; Отева, 2016].

доминируют такие определения, как *тургеневский человек*, *тургеневская девушка*, *тургеневская любовь*, *тургеневская природа*, *тургеневская поэзия* и *тургеневская музыка*. Трактовка художественного мита Тургенева, сделанная Айхенвальдом, была во многом связана с эстетической оценкой, сложившейся еще в XIX веке.

Творчество Тургенева представлялось символистам наполненным универсальными формулами. Поэтому в центре нашего внимания будут принципы топологического анализа, основанные на современных междисциплинарных подходах, а также на риторической традиции, берущей начало в сочинениях Аристотеля и Э.Т. Курциуса. В «Риторике» Аристотеля «топы» – это те мысли, которые «выведены из положений» и являют собой «общие места» (Риторика I, 1358a-10) [Аристотель, 2005, с. 14]. Курциус, как известно, определил топос как формулу художественной мысли, «словесное клише», «схему» выражения. Он понимал его как имперсональный надличностный слой словесной реальности, который лежит вне индивидуальных стилей [Curtius, 1972, S. 14; Curtius, 1973]. Согласно его точке зрения, топос имеет уровень содержания и способы выражения. Он является достаточно устойчивым при переходе в различные творческие системы, то есть в нем содержится некое знаковое ключевое слово или их набор – «общее место», как это и определяется традициями классической риторики, на что указывал С.С. Аверинцев [Аверинцев, 1981]. Вместе с тем топос тяготеет к архетипичности своего значения и в силу этого обладает символичностью, устойчивостью и универсальностью. В аспекте поэтики о нем можно говорить как о явлении исторической топики [Махов, 2010; Махов, 2011]. Как свойство рефлексии топос является репрезентацией мысли, ее формулой, что диктуется топологической рефлексией, получившей распространение в мифопоэтике Серебряного века в связи с процессами интеграции литературы и философии и их мифологизацией [Кребель, 2010].

В определенном плане тургеневская топики уже была в центре внимания литературоведов. В функции модели интерпретации тургеневский топос «первая любовь» рассматривают некоторые исследователи, например, Р. Грюбель [Р. Грюбель, 1993, с. 171]. Сновидческая топики Тургенева, волновавшая больше всего символистов, находилась в центре внимания В.Н. Топорова в его книге «Станный Тургенев» [Топоров, 1998]. Тургеневеды обратили внимание на усадебный топос как форму хронотопа в творчестве писателя [Орлова, 2005; Доманский, 2008]. Назовем также исследования о Тургеневе В.М. Марковича, важные как репрезентация герменевтического подхода [Маркович, 2008].

Безусловно, топологические установки писателей рубежа веков диктовались как особенностями загадочного и «тайного» художественного мира писателя, так и наличием собственной «внутренней» точки зрения, которая была важна для обретения свободы от навязанных XIX веком клише. Поэтому важна реконструкция тургеневской топики в мышлении писателей Серебряного века. Она основывается на важнейших смыслообразующих и доминантных темах и укоренена в топологическом типе дискурса. Топика символистов значительно отличаются от установок Айхенвальда, сформулировавшего понятие «тургеневское». Это отличие определяется символистской герменевтической моделью интерпретации и символистским типом топологического дискурса.

Д.С. Мережковский в одном из первых манифестов русского символизма – «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) – заявил о необходимости пересмотра русской классики в свете «нового идеализма». Он назвал таких писателей, как Тургенев, Гончаров, Достоевский и Толстой. Наибольший интерес для анализа представляют его статьи: «Памяти Тургенева» (1893), «Тургенев» (1909) и «Поэт Вечной Женственности» (1917). Можно также назвать работы Ин. Ф. Анненского, вошедшие в его «Книги отражений» и прежде всего такие, как «Умиравший Тургенев. Клара Милич» (1905), «Белый экстаз. Странная история, рассказанная Тургеневым» (1906), «Символы красоты у русских писателей» (1909), а также статью К.Д. Бальмонта «Мысли о творчестве. Тургенев (Поэт девушки-женщины)» (1921). Важнейшими для нашего анализа являются и работы М.О. Гершензона «Мечта и мысль Тургенева» (М., 1919) и главы из неоконченной книги Л. И. Шестова о Тургеневе¹.

Если понимать топоры как схемы мысли или устойчивые формулы образно-тематического или сюжетно-мотивного ряда, то можно выделить следующие их типы в восприятии творчества Тургенева русскими символистами: *визуальные* топоры телесности героя или героини, *экзистенциальные* (чувственного существования: одиночества, смерти, страха), *символические* (вечные образы: Фауста, короля Лира), *метафизические* (Вечной Женственности, вечной девственности, вечного жениха), *пространственные* (дворянского гнезда, дома, сада, усадьбы, природно-космический и др.) и др. Рассмотрим некоторые из них.

¹ См.: [Шестов. Электронный ресурс: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/shestov-turgenev/glava-1.htm>]. О замысле книги см. подробнее: [Ерогов, 2014].

На символическую телесность тургеневских героинь и их визуальность обращает внимание Ин. Анненский в статье «Белый экстаз. Странная история, рассказанная Тургеневым». Он пишет: «Между тургеневскими девушками есть три, которые стоят особняком. Чистые, сосредоточенные и одинокие, они странно похожи на *статуи*. *Неподвижные* лица; цвет кожи и волос, лишенный оттенков и игры – что-то сплошное, матовое или черное; глаза, постоянно и прямо устремленные в глаза собеседника, – глаза, которые в то же время как будто видят что-то другое, чем-то другим озабочены; лоб *странно выпуклый – точно каменный*; *способность обращаться в статую* в минуты равнодушия или, наоборот, крайнего отчаяния; *застывшее* выражение удивленности от сознания полного несоответствия с окружающим – и, наконец, непроницаемая, точно *каменная, душа*. Вот черты, которыми обрисовал Тургенев сначала несчастную Сусанну, потом спутницу юродивого из “Странной истории” и, наконец, Клару Милич. Если вы читали Тургенева внимательно, то вас, наверное, поражала не только жуткая одинокость этих девушек, но временами и их несколько *тяжелая статуарность*, точно иго, от которого они во что бы то ни стало должны и никак не могут освободиться» [Анненский, 1979, с. 141] (*курсив наш* – С.Т.). Статуарность одной из них – Софи из рассказа Тургенева «Странная история» – понимается Анненским как глубочайшее экзистенциальное переживание ее бытия [Там же, с. 142]. Анненский показывает, что образ героини возникает в восприятии героя. Это восприятие основано на идее ее символического существования: «Может быть, в изысканном аскетизме этой незаметной, этой слившейся с массой подвижницы следует видеть лишь эстетизм высшего порядка? Исканье исключительной, выше наслаждения ею и выше даже ее понимания стоящей Красоты? <...> Может быть, эта девушка и в самом деле разрешила для себя задачу высшего из искусств, искусства жизни» [там же, с. 145].

В.М. Маркович писал, что тургеневская характеристика образа человека «всегда устремлена к идеальной типологической модели», но только в процессе развития сюжета обнаруживается «надтипичная сущность» героя [Маркович, 2008, с. 140, 145]. Поэтому тургеневская топика имеет в восприятии символистов «веерный» характер, так как Тургенев, как им представляется, стремился воплотить сущность человека, но она неуловима. Например, Ин. Анненский в статье «Умиравший Тургенев (Клара Милич)» пишет: «Если искать параллелей, то Яков Аратов представляется мне чем-то вроде Фауста, только забывшего помолодеть...», «Или, может быть, Аратов это Ипполит без Артемиды...», «Или, наконец, Аратов – это Ромео...», «С виду это такой живой и восторженный юноша, – а на деле ведь это же – тень, это-студент 40-х годов, которого забыли похоронить...», « в

Аратове расположился старый больной Тургенев, который инстинктивно боится наплыва жизни...» [Анненский, 1979, с. 39-40]. В связи с «веерностью» образов и их символической многозначностью вечные образы приобретают у Анненского экзистенциальную трактовку, так как он пытается уловить «сверхличную» сущность тургеневского героя. Размышляя о тургеневской трактовке вечных типов Гамлета и Дон-Кихота как их совпадении в «сверхличном», Вяч. Иванов в статье «Кризис индивидуализма» (1905) дает философское обоснование этой проблемы [Иванов, 1994, с. 18-19].

Топологические мотивы экзистенциальной тревоги, ощутимые прежде всего в «таинственных повестях» Тургенева, являются повторяющимися в восприятии Анненского и Мережковского: *трагедийного существования человека, смерти как философии умирания, любви как философии смерти, тургеневской девушки как воплощения идеи Вечной Женственности или вечной девственности, героев-мужчин как вечных женихов, первой любви как последней* и др. Экзистенциальный топос смерти возникает на основе столкновения пограничных ситуаций, например, в таких повестях Тургенева, как «После смерти (Клара Милич)», «Довольно», «Дневник лишнего человека», «Фауст». Тургеневский человек здесь обращен к своей «экзистенции» и переживает ее как одиночество, ожидание и страх смерти. Анненский в статье «Умиравший Тургенев (Клара Милич)» дал исчерпывающую характеристику экзистенциальной проблеме как «драме умирания» у Тургенева: «Вы скажете, что, наоборот, действие в “Кларе Милич” движется, что темная страсть Аратова нарастает, что здесь целая трагедия, потому что Аратов борется, перед тем как он гибнет. О нет, это один мираж. Растет не страсть, а недуг; если же развивается драма, то разве та единственная, которую можно понять, не отрываясь от подушки, и пережить, не шевелясь от боли, – драма умирания» [Анненский, 1979, с. 38]. Поэтому тургеневский топос «песнь торжествующей любви», в его трактовке, – это предсмертный символ, символ перехода в бытие смерти.

Смерть понимается как «песнь торжествующей любви» и Мережковским, и Анненским, и Вяч. Ивановым. Иванов, рассуждая о мистических прозрениях немецкого поэта в статье «Гете на рубеже двух столетий» (1912), пишет о проникновении его в тайну природы. Это дало Гете понять, как считает он, что «любовь сильнее смерти». «Впоследствии об этом споет нам Тургенев, – пишет он, – свою «Песнь торжествующей любви», загадывая читателю загадку...» [Иванов, 1994, с. 260-261]. Глубокое проникновение в тайну неразделимости половой любви и смерти как особенную черту творчества Тургенева и других писателей отметил также П.А. Флоренский, анализируя культы женского божества, получившие

распространение в архаической культуре: «Сейчас же только чуткие души поэтов ясно постигают эту двойственность природы, – разумеют, что Родительница-природа таит в себе смерть, а Усладительница-смерть-гибель» [Флоренский, 1996, т. 2, с. 111]¹.

Топика любви становится у Тургенева, как пишет об этом Мережковский, философией смерти, так как «"Песнь торжествующей любви" – песнь торжествующей плоти», «любят не это тело», а какую-то нетленную «духовную плоть» [Мережковский, 1995а, с. 475]. М.О. Гершензон замечает, что тургеневское переживание смерти говорит о «доказательстве бессмертия души» [Гершензон, 1919, с. 61].

Воплощением души русского классика символисты считали образ тургеневской женщины. О тургеневской женщине писали многие современники Тургенева и литературные критики уже в XIX веке. Анненский, Бальмонт, Мережковский, Розанов значительно углубляют и расширяют понимание этого топоса за счет интерпретации его архетипических и символических смыслов. Рассмотрим некоторые из них.

В статьях Мережковского говорится о символической природе визуальных женских образов Тургенева: «Таких идеальных девушек и женщин ни в России и нигде на земле не бывало. Тургенев на этих женских видениях, которые находятся иногда в неприятной дисгармонии с реальной обстановкой романа, отдыхает от пошлости и уродства живых, нефантастических людей...» [Мережковский, 1995b, с. 539], «Тургенев – поэт вечной девственности. Я не могу себе представить, что у женщин и девушек Тургенева такие же тела, как у толстовской Кити, Наташи или даже Анны Карениной. Кажется, что тела их облачные, призрачные и прозрачные, как тела гоголевских русалок, сквозь которые светит луна. Как будто они той же природы, как Эллис в "Призраках" или видение Клары Милич. Вообще призрачность и влюбленность почти всегда сливаются у Тургенева: это как бы два явления одной сущности; кто любит, тот вступает в царство призраков» [Мережковский, 1995а, с. 476].

Топос Вечной Женственности, по мнению Мережковского, был присущ художественному творчеству Тургенева еще до В.С. Соловьева. Он писал, что «жемчужина Тургенева – вечная женственность. Всей мужественной половины мира он почти не видит, зато женственную видит так, как никто» [Мережковский, 1917, с. 73]. Вместе с тем герой Тургенева, по его мысли, несет в себе то же женственное начало, и это тайна тургеневского пола: «Душа женщины – в теле мужчины. В седом старике-исполине, Иване Сергеевиче Тургеневе, – маленькая Жанетта, четырнадцатилетняя девочка», «Тургеневу не нужно проникать в женщину извне: он видит

¹ См его комментарий, поясняющий эту мысль: [Флоренский, 1996, т. 2, с. 117].

ее изнутри. Это не о женщине, – это сама женщина. Кажется иногда, что и на своих героев-мужчин (вечных женихов и любовников) он смотрит глазами женскими, влюблен в них, как женщина. “Счастливым брак” – конец влюбленности» [Там же].

По мнению и Мережковского, и Анненского, тургеневская девушка – это не реальный человек, а символ, идея. «Клара как символ это – трагизм красоты, которая хочет жизни и ждет воплощения», – писал Анненский, анализируя повесть Тургенева «После смерти (Клара Милич)» [Анненский, 1979, с. 42]. Этим обусловлен и тургеневский мотив молчания как выражение тайны бытия, что позволяет, например, Мережковскому говорить о присущем мистерии топосе перехода в иной мир. Например, первую любовь символисты предлагают понимать у Тургенева в мистериальном плане как последнюю. Мережковский пишет: «Вот почему “первая любовь” – последняя. Любовь требует чуда, но не может быть чуда в порядке естественном; не может быть брака, утоления, достижения любви здесь на земле. И вот почему “песнь торжествующей любви” – песнь торжествующей смерти, – но и бессмертья, – “песнь песней”, та “музыка сфер”, которой “движутся солнце и другие звезды”...» [Мережковский, 1917, с. 75]¹.

В чем же символисты видят спасение человека в произведениях Тургенева? Преодоление смерти возможно, согласно их мысли, через растворение человека в природно-космическом бытии, усадебном топосе, Вечной Женственности или вечной девственности, в христианской любви. Мережковский писал: «Христианство есть откровение личности по-преимуществу. И утверждение личности в поле – влюбленность родилась вместе с христианством (Платоновский “Эрос” лишь смутное предчувствие христианства в самом язычестве). Христианская любовь есть влюбленность в своем высшем, неземном пределе – преображение пола в той же мере, как преображение личности» [Там же].

Для других мыслителей и писателей, например, Л.И. Шестова разрешение экзистенциальных проблем мировоззрения и творчества Тургенева на путях синтеза присущего классику европоцентризма и понимания стихийности русской души было практически невозможно. Он писал: «А между тем все последние произведения Тургенева проникнуты тайным, а порой и явным страхом перед судьбой, которую он когда-то, когда верил в европейское образование, так ясно понимал и объяснял. Центробежные и центростремительные силы, порождающие и уничтожающие Дон-Кихотов и Гамлетов, культурные

¹ Большой интерес с точки зрения анализируемых проблем представляет новелла Д.С. Мережковского «Любовь сильнее смерти» («Северный вестник».1896. № 8), созданная на основе тургеневского топоса.

задачи, вдохновляющие лучших людей, европейская мораль, примиряющая с ужасами жизни – обо всем забыто. Открылась великая тайна жизни, и все прежние убеждения оказались лишними» [Шестов, <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/shestov-turgenev/glava-10.htm>].

Великая тайна жизни, скрытая в творчестве Тургенева, заставляла русских поэтов и писателей обращаться к художественному миру его произведений. Спасительным для себя считал Бальмонт тургеневский усадебный топос, на котором основан один из ведущих мотивов его творчества – мотив вечного возвращения в мир детства и юности. Усадебный топос в творчестве Бальмонта основан на онтологическом по своей природе мотиве памяти. Он обозначен в одном из ранних его стихотворений – «Памяти Тургенева», опубликованном в книге «Под северным небом» (1894). Этот топос также находит отражение и в его статьях «Мысли о творчестве. Тургенев (Поэт девушки-женщины)» (1921) [Бальмонт, 1921] и «Тургенев как поэт» (1933) [Бальмонт, 1933]. В статье «Тургенев как поэт» Бальмонт пишет о воплощенности тургеневского начала в своем творчестве. Перечитывание Тургенева для него в эмиграции – подлинное откровение о русской душе и русском космосе. Тургеневский усадебный и природно-космический топосы встречаются также в автобиографической прозе К.Д. Бальмонта и прежде всего в его романе «Под новым серпом» (1923). Присущи они также прозе Б.К. Зайцева [Куделько, 2007] и творчеству других писателей, таких, например, как И.А. Бунин.

Таким образом, топологическая рефлексия писателей-символистов как эстетика мысли значительно расширила границы истолкования художественного мира Тургенева и показала возможность свободы интерпретаций, что стало важным основанием для герменевтических практик в литературоведении XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. Риторика как подход к обобщению действительности / С.С. Аверинцев // Аверинцев С.С. Поэтика древнегреческой литературы. – Москва: Наука, 1981. – С. 15-46.

Айхенвальд, Ю. И. Тургенев / Ю.И. Айхенвальд // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей: В 2 т. Т. 1. – Москва: Терра: Республика, 1998. – 304 с.

Анненский, Ин. Ф. Книги отражений / Ин. Ф. Анненский. – Москва: Наука, 1979. – 691 с. («Литературные памятники»).

Аристотель. Риторика. Поэтика / Пер. с древнегреч. О.П. Цыбенко / Аристотель. – Москва: Лабиринт, 2005. – 253 с. («Классическая библиотека»).

Астман, М. Тургенев и символизм / М. Астман // Записки русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1983. Т. 16. – С. 165-175.

Ахунзянова, Ф.Г. И.С. Тургенев как мифологема в критических работах Д.С. Мережковского / Ф.Г. Ахунзянова // Культура и текст. – 2013. – № 2. – С. 228-237.

Ашимбаева, Н.Т. Тургенев в критической прозе И. Анненского / Н.Т. Ашимбаева // Известия АН Казахской ССР. – Серия филолог. – 1984. – № 1. – С. 51-59.

Брюсов, В.Я. Брюсов о Тургеневе (Публикация А.С. Гречишкина и А.В. Лаврова) / В.Я. Брюсов // Тургенев и его современники. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 170-190.

Бальмонт, К.Д. «Мысли о творчестве. Тургенев (Поэт девушки-женщины)» / К.Д. Бальмонт // Современные записки. – Париж, 1921. – Кн. IV. – С. 285-296.

Бальмонт, К.Д. Тургенев как поэт / К.Д. Бальмонт // Последние новости. – Париж, 1933. – 15 и 22 июня.

Гершензон, М. О. Мечта и мысль Тургенева / М.О. Гершензон. – Москва: «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. – 171 с.

Грюбель, Р. Воспоминание и повторение. Две модели повествования на примере повестей «Первая любовь» Тургенева и «Вымысел» Гиппиус / Р. Грюбель // Русская новелла. Проблемы теории и истории. Сборник статей / Под ред. В.М. Марковича и В. Шмида. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – С. 171-194.

Доманский, В.А. Функции художественного концепта сада в повестях И.С. Тургенева / В.А. Доманский // Спасский вестник. – 2008. – № 15. – С. 44-52.

Егоров, О.Г. Неоконченная книга о Тургеневе Л. Шестова / О.Г. Егоров // Спасский вестник. – 2014. – № 22. – С. 117-124.

Едошина, И.А. «Странник, ушедший в добровольное изгнание...» Любовь Тургенева в размышлениях Розанова / И.А. Едошина // Спасский вестник. – 2005. – №12. – С. 133-138.

Зельдхейн-Деак, Ж. Поздний Тургенев и символисты / Ж. Зельдхейн-Деак // От Пушкина до Белого. Проблемы поэтики русского реализма XIX – нач. XX века. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. – С. 146-170.

Иванов, Вяч. Кризис индивидуализма / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Родное и вселенское. – Москва: Республика, 1994. – С. 18-25 («Мыслители XX века»).

Кребель, И.А. Мифопоэтика Серебряного века: Опыт топологической рефлексии / И.А. Кребель. – Санкт-Петербург: Алетей, 2010. – 592 с.

Куделько, Н.А. Усадебный мир в творчестве И.С. Тургенева и Б.К. Зайцева / Н.А. Куделько // Спасский вестник. – 2007. – №14. – С. 54-58.

Маркович, В.М. Избранные работы / В.М. Маркович. – Санкт-Петербург: Ломоносовъ, 2008. – 318 с.

Махов, А. Е. Веселовский – Курциус: историческая поэтика – историческая топка / А.Е. Махов // Вопросы литературы. – 2010. – № 3. – С. 182-202.

Махов, А. Е. «Историческая топка»: раздел риторики или область компаративистики? / А.Е. Махов // Вопросы литературы. – 2011. – №4. – С. 275-289.

Мережковский, Д.С. Тургенев / Д.Е. Мережковский // Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – Москва: Издательство «Республика», 1995а. – С. 475-479.

Мережковский, Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – Москва: Издательство «Республика», 1995b. – С. 522-560.

Мережковский, Д.С. Поэт Вечной Женственности / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Невоенный дневник. 1914-1916. – Петроград: «Огни», 1917. – 224 с.

Мовнина, Н.С. Тургенев в восприятии М.О. Гершензона / Н.С. Мовнина // Спасский вестник. – 2011. – № 19. – С. 72-78.

Мостовская, Н.Н. Тургенев в восприятии Мережковского / Н.Н. Мостовская // Спасский вестник. – 2005. – №12. – С. 146-153.

Орлова, Г.И. Усадебно-дворянский топос в пьесах И.С. Тургенева и А.Н. Островского / Г.И. Орлова // Спасский вестник. – 2005. – № 12. – С. 82-89.

Отева, К.Н. Тургенев и тургеневское в творческой судьбе Б.К. Зайцева / К.Н. Отева // Спасский вестник. – 2016. – № 24. – С. 4-10.

Пильд, Л. К вопросу о рецепции Тургенева в 1900–1910-х годах / Л. Пильд // Тыняновский сб.: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. – Москва: Книжная палата, 1998. – С. 143-157.

Пильд, Л. Тургенев в восприятии русских символистов (1890-1900-е г.) / Л. Пильд. Tartu, 1999. – 136 с. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis. 6).

Поддубная, Р. Тургенев и Брюсов: (От психологических «студий» к научной фантастике) / Р. Поддубная // Творчество И.С. Тургенева. – Орел: ОГПИ, 1991. – С. 86-106.

Пустыгина, Н. «Тургеневские истоки» концепции творчества А.А. Блока / Н. Пустыгина // Блоковский сб. XIV: К 70-летию З.Г. Минц. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998. – С. 120-134.

Розанов, В.В. И. С. Тургенев (к 20-летию его смерти) / В.В. Розанов // Новое время. – 1903. – 22 августа.

Топоров, В.Н. Странный Тургенев / В.Н. Топоров. – Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1998. – 192 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 20).

Флоренский, П.А. Первые шаги философии / П.А. Флоренский // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 2. – Москва: Мысль, 1996. – С. 111-127.

Шестов, Л.И. Тургенев / Л.И. Шестов. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/shestov-turgenev/glava-1.htm> (10.09.2018).

Curtius, E.R. Zum Begriff einer historischen Topik (1938-1949) / E.R. Curtius // Toposforschung. Eine Dokumentation / Hrsg. von P. Jehn. – Frankfurt a. – Moskau, 1972. – S. 15-20.

Curtius, E. R. Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter) / E.R.Curtius. – Bern: Francke, 1954. – 608 s.

REFERENCES

Ajherval'd, YU. I. Turgenev / YU.I. Ajherval'd // Ajherval'd YU.I. Siluhty russkih pisatelej: v 2 t. T. 1. – Moskva: Terra: Respublika, 1998. – 304 s.

Annenskij, In. F. Knigi otrazhenij / In.F. Annenskij. – Moskva: Nauka, 1979. – 691 s. («Literaturnye pamyatniki»).

Aristotel'. Ritorika. Poetika / Aristotel' // Per. s drevnegrech. O.P. Cybenko. – Moskva: Labirint, 2005. – 253 s. («Klassicheskaya biblioteka»).

Astman, M. Turgenev i simbolizm / M. Astman // Zapiski ruskoj akademicheskoy grupy v SSHA. – N'yu-Jork, 1983. T. 16. – S. 165-175.

Ahunzyanova, F.G. I.S. Turgenev kak mifologema v kriticheskikh rabotah D.S. Merezhkovskogo / F.G. Ahunzyanova // Kul'tura i tekst. – 2013. – № 2. – S. 228-237.

Ashimbaeva, N.T. Turgenev v kriticheskoy proze I. Annenskogo / N.T. Ashimbaeva // Izvestiya AN Kazahskoj SSR. – Seriya filolog. – 1984. – № 1. – S. 51-59.

Averincev, S. S. Ritorika kak podhod k obobshcheniyu dejstvitel'nosti / S.S. Averincev // Averincev S.S. Poetika drevnegrecheskoy literatury. – Moskva: Nauka, 1981. – S. 15-46.

Bal'mont, K.D. «Mysli o tvorchestve. Turgenev (Poet devushki-zhenshchiny)» / K.D. Bal'mont // Sovremennye zapiski. – Parizh, 1921. – Kn. IV. – S. 285-296.

Bal'mont, K.D. Turgenev kak poet / K.D. Bal'mont // Poslednie novosti. – Parizh, 1933. – 15 i 22 iyunya.

Bryusov, V.YA. Bryusov o Turgeneye (Publikaciya A.S. Grechishkina i A.V. Lavrova) // Turgenev i ego sovremenniki. – Leningrad: Nauka, 1977. – S. 170-190.

Domanskij, V.A. Funkcii hudozhestvennogo koncepta sada v povestyah I.S. Turgeneva/ V.A. Domanskij // Spasskij vestnik. – 2008. – № 15. – S. 44-52.

Edoshina, I.A. «Strannik, ushedshij v dobrovol'noe izgnanie...» Lyubov' Turgeneva v razmysleniyah Rozanova/I.A. Edoshina //Spasskij vestnik. – 2005. – №12. – S. 133-138.

Egorov, O.G. Neokonchennaya kniga o Turgeneve L. SHestova / O.G. Egorov // Spasskij vestnik. – 2014. – № 22. – S. 117-124.

Florenskij, P.A. Pervye shagi filosofii / P.A. Florenskij // Florenskij P.A. Soch.: v 4 t. – T. 2. – Moskva: Mysl', 1996. – S. 111-127.

Gershenson, M. O. Mechta i mysl' Turgeneva / M.O. Gershenson. – Moskva: «Knigoizdatel'stvo pisatelej v Moskve», 1919. – 171 s.

Gryubel', R. Vospominanie i povtorenie. Dve modeli povestvovaniya na primere povestej «Pervaya lyubov'» Turgeneva i «Vymysel» Gippius / R. Gryubel'// Russkaya novella. Problemy teorii i istorii. Sbornik statej / Pod red. V.M. Markovicha i V. SHmida. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1993. – S. 171-194.

Zel'dhejn-Deak, Z.H. Pozdnij Turgenev i simvolisty / ZH. Zel'dhejn-Deak // Ot Pushkina do Belogo. Problemy poehtiki russkogo realizma HIH Moskau – nach. HKH veka. –Sankt-Peterburg: Izda-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1992. – S. 146-170.

Ivanov, Vyach. Krizis individualizma /Vyach. Ivanov // Ivanov Vyach. Rodnoe i vselenskoe. – Moskva: Respublika, 1994. – S. 18-25 («Mysliteli XX veka»).

Krebel', I.A. Mifopohtika Serebryanogo veka: Opyt topologicheskoi refleksii / I.A. Krebel'. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2010. – 592 s.

Kudel'ko, N.A. Usadebnyj mir v tvorchestve I.S. Turgeneva i B.K. Zajceva/ N.A. Kudel'ko // Spasskij vestnik. – 2007. – №14. – S. 54-58.

Mahov, A. E. Veselovskij – Kurcius: istoricheskaya pohtika – istoricheskaya topika / A.E. Mahov // Voprosy literatury. – 2010. – № 3. – S. 182-202.

Mahov, A. E. «Istoricheskaya topika»: razdel ritoriki ili oblast' komparativistiki? / A.E. Mahov // Voprosy literatury. – 2011. – №4. – S. 275-289.

Markovich, V.M. Izbrannye raboty/V.M. Markovich. – Sankt-Peterburg: Lomonosov, 2008. –318 s.

Merezhkovskij, D.S. Turgenev / D.S. Merezhkovskij // Merezhkovskij D. S. Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki. – Moskva: Izdatel'stvo «Respublika», 1995a. – S. 475-479.

Merezhkovskij, D.S. O prichinah upadka i o novyh techeniyah sovremennoj russkoj literatury /D.S. Merezhkovskij // Merezhkovskij D. S. Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki. – Moskva: Izdatel'stvo «Respublika», 1995b. – S. 522-560.

Merezhkovskij, D.S. Poeht Vechnoj ZHenstvennosti / D.S. Merezhkovskij // Merezhkovskij D.S. Nevoennyj dnevnik. 1914-1916. – Petrograd: «Ogni», 1917. – 224 s.

Mostovskaya, N.N. Turgenev v vospriyatii Merezhkovskogo / N.N. Mostovskaya // Spasskij vestnik. – 2005. – №12. – S. 146-153.

Movnina, N.S. Turgenev v vospriyatii M.O. Gershenzona / N.S. Movnina // Spasskij vestnik. – 2011. – № 19. – S. 72-78.

Orlova, G.I. Usadebno-dvoryanskij topos v p'esah I.S. Turgeneva i A.N. Ostrovskogo/G.I. Orlova // Spasskij vestnik. – 2005. – № 12. – S. 82-89.

Oteva, K.N. Turgenev i turgenevskoe v tvorcheskoj sud'be B.K. Zajceva / K.N. Oteva // Spasskij vestnik. – 2016. – № 24. – S. 4-10.

Pil'd, L. K voprosu o recepcii Turgeneva v 1900–1910–h godah / L. Pil'd// Tynyanovskij sb.: SHeStye – Sed'mye – Vos'mye Tynyanovskie chteniya. – Moskva: Knizhnaya palata, 1998. – S. 143-157.

Pil'd, L. Turgenev v vospriyatii russkih simbolistov (1890-1900-e g.) / L. Pil'd. Tartu, 1999. – 136 s. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis. 6).

Poddubnaya, R. Turgenev i Bryusov: (Ot psihologicheskikh «studij» k nauchnoj fantastike)/R. Poddubnaya // Tvorchestvo I.S. Turgeneva. – Orel: OGPI, 1991. – S. 86-106.

Pustygina, N. «Turgenevskie istoki» koncepcii tvorcestva A.A. Bloka / N. Pustygina // Blokovskij sb. XIV: K 70–letiyu Z. G. Minc. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998. – S. 120-134.

Rozanov, V.V. I. S. Turgenev (k 20-letiyu ego smerti) / V.V. Rozanov // Novoe vremya. – 1903. – 22 avgusta.

Toporov, V.N. Strannyj Turgenev / V.N. Toporov. – Moskva: Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t, 1998. – 192 s. (CHteniya po istorii i teorii kul'tury. Vyp. 20).

Shestov, L.I. Turgenev / L.I. Shestov. EHlektronnyj resurs: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/shestov-turgenev/glava-1.htm> (10.09.2018).

Curtius, E.R. Zum Begriff einer historischen Topik (1938-1949)/ E.R. Curtius // Toposforschung. Eine Dokumentation / Hrsg. von P. Jehn. – Frankfurt a. – Moskau, 1972. – S. 15-20.

Curtius, E. R. Europbische Literatur und Lateinisches Mittelalter) / E.R.Curtius. – Bern: Francke, 1954. – 608 s.